

РОССИЯ

Отведу ль я восторженный взор
От полей, от морей твоих синих?
Голубыми глазами озёр
Ты глядишь на меня, Россия.
Мне дары дорогие несёшь:
Травы в пояс,
Берёзки до неба,
И волнуется буйная рожь
Океаном душистого хлеба.
Слышу речек задумчивый звон
И горжусь, что всей жизнью с тобою,
Что я в русской деревне рождён
Под счастливой июльской звездой.

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Гармони упоительные звуки —
То пенье струн,
То россыпь хрустала.
Плясал солдат, выбрасывая руки,
Выделывал ногами кренделя.
В садах цвели магнолии и маки.
Солдат плясал,
Плечами аж играл,
Как будто не вчера бежал в атаке
И город наш у немца отбирал.
Он шёл, бежал, бросал свои гранаты
И полз, как уж, напористо вперёд,
А в мыслях был в деревне, где когда-то
Стоял с девчонкой милой у ворот.

Сияли звёзды. Сердце ликовало.
В полях светился розовый рассвет.
Она тогда его поцеловала
И обещала ждать хоть сотню лет.
А шёл ему тогда всего двадцатый...
Назавтра — новый бой.
И в том бою
Не стало развесёлого солдата:
Погиб герой за Родину свою.
На небе облако и тает, и не тает,
Плывёт туда, где он встречал рассвет.
Она его, наверно, ожидает:
Ведь ей всего лишь восемьдесят лет.

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

На закате дальние курганы
Убегают в розовую степь.
Там выходит Громова Ульяна
На зарю вечернюю смотреть.
На траве — сверкающие росы.
Спят деревья, замерли кусты.
На девичьи шёлковые косы
Загляделись звёзды с высоты.
Зоревая трепетная нега
Обнимает сизую постель.
Ночь в глазах задумчивых Олега
Зажигает звёздную метель.
Кошевому в сумерках не спится.
Золотая даль.
Родная высь.
Нежные, как девичьи, ресницы
Над лучистым взором поднялись.
В тишине мгновенный шорох замер.
А в моей душе покоя нет:
Он с такими ясными глазами
Встретил смертный час
В расцвете лет.
Пусть кипит моё воображенье,
А душа о мужестве поёт:
Краснодонский юноша Тюленин
На заданье в сумерках идёт.
Солнечная Люба
В белом платье,
Смех её доньше не затих...
Не могу забвение принять я —
Вижу их красивых и живых!

ЖАР-ПТИЦА

Стали окна светиться,
Выхожу я во двор:
Над полями жар-птица
Зажигает костёр.
Пышет алое пламя,
Достаёт облака.
Золотыми волнами
Заиграла река.
В двери утро стучится,
Вся в лучах вышина...
Ну, а где же жар-птица?
Солнцем стала она.

ДЕРЕВНЯ

Я жил в деревне,
Жил в деревне
Не год, не два,
А двадцать лет.
Запомнил хаты и деревья
И между тучами рассвет.

Запомнил поле за канавой,
Амбары, двери на засов.
Но позабыл (о, Боже правый!)
Так много лиц и голосов.

Обратно мне в деревню надо,
В те незабвенные года...
Иду я полем, лугом, садом,
По хатам шарю жадным взглядом:
Куда исчезли все? Куда?

НИКОЛАЙ СИРОТИНИН

Силён отвагой беспримерной
Наш удивительный народ...
Гремел боями сорок первый —
Суровый год, тяжёлый год.
Ещё дымились камни Бреста,
А враг всё дальше лез и лез.
Ещё не стал горячим местом
Наш знаменитый Брянский лес.
Ещё от улиц Ленинграда
Была блокада вдалеке,

Чуйков на круче Сталинграда
Не встал со знаменем в руке.
Ещё не думала Европа,
Что русским следует помочь.
Ещё сражался Севастополь,
Врага отбрасывая прочь.
Бои под Вязьмой и Смоленском,
Бои и в небе, и в морях...

В глуши орловской, деревенской
Мы жили с окнами в крестах.
Поля колосьями о хлебе
Звенели тихо в этот год.
Прожектора ловили в небе
С крестами чёрный самолет.
О, как тревожны были выси!
Как страшен бомб
Растущий вой!
Мы ждали писем,
Писем,
Писем
С большой войны, с передовой...

Не каждый подвиг возвеличен,
В листе сияет наградном...
Тропа, веди меня под Кричев,
Где спит легенда под холмом.
Шумят берёзы и осины.
Река шумит:
«Не забывай!»
Легенде имя — Сиротинин,
Легенде имя — Николай.
В Орле он рос,
Учился в школе,
Глазами солнечно-лучист.
«Текмаш» — там токарем был Коля,
В войну сержант-артиллерист.
В той стороне, где город Кричев,
Он шел в пилотке со звездой...
Остался в памяти девичьей
Неистребимо молодой.
В лучах июльского заката
Шутил, был полон юных сил.
«Вернёмся!
Ждите нас, девчата!» —
Двум белорускам говорил.
У них в глазах блеснули слёзы.
А он, горя святым огнём,

Ушёл в закат,
Ушёл в берёзы...
Потом слышали о нём.

Был полк в сражении измотан.
И командир сказал:
«Друзья!
Свалилась тяжкая забота,
Отдать приказ не в силах я.
Мы честно шли от боя к бою.
Поверьте, просьба — не приказ.
Отход полка прикрыть собою
Прошу кого-нибудь из вас».
«Доверьте мне!» —
И Сиротинин
Шагнул порывисто вперёд...

Сияло солнце в небе синем.
Гудел тревожно самолет
Волною чистой, как слезою,
Река играла под горой.
В Москве по улице шла Зоя,
А в Краснодоне — Кошевой.
В логу, в траве звенели косы.
В Москве к машине Жуков шёл...
А где-то юноша Матросов
Себя готовил в комсомол.
Деревня псковская Чернушки —
Его судьбы вершинный край...

А тут, под Кричевом, у пушки
Встал Сиротинин Николай.
Как струны, вздрагивали нервы.
Рожь золотая.
Даль светла.
Год самый страшный —
Сорок первый
Над ним сомкнул свои крыла.
Тиха лесистая округа.
К снаряду двинулась рука.
«Забил заряд я в пушку туго» —
Невольно вспомнилась строка.
Раздался гул.
Исчезли птицы.
Всё ближе гром.
А он один.
Один решил насмерть биться
С колонной танков и машин!

Встал богатырскою заставой,
Как было сердцем решено:
«Вот так мы шведов под Полтавой,
Французов при Бородино!»
Себе командовал:
«Точнее!» –
Сержант решительно и зло...
Как будто била батарея
За каждый город и село.
За всех замученных, казнённых,
За все кровавые дела.
Он задержал один колонну,
Отважный парень из Орла.
Машину первую снарядом
Свалил,
Последнюю срубил.
Потом средину сделал адом —
Огнём и дымом обхватил.
Колонна тлела и горела,
Подняв до неба черный дым...
Герой погиб,
Закончив дело.
Враги задумались над ним.

Среди колосьев золотистых
Лежал в пилотке,
Глух и нем.
Как будто спал под небом чистым,
Не побеждаемый никем.
Казалось, миг —
И он проснётся,
Поднимет голову в пыли,
За дело заново возьмётся —
Фашистов гнать с родной земли!
Лежал боец русоголовый.
Тонула даль в густом дыму.

И генерал сказал сурово:
«Отдайте почести ему!»
Перед сержантом, как героем,
Цена его великий труд,
Солдаты встали
Строгим строем
И в небо сделали салют.
Слова в историю попали
И к нам явились на порог:
«Когда бы все
Так воевали,
Лежал бы мир у наших ног!»
Ходили школьники по селам
И запись сделали в тетрадь:
«Он был отважным и веселым,
Умел шутить и воевать».
Приходит ангельская стая
Детей, где был он под огнём.
И рожь, как прежде, золотая
Шумит колосьями о нём.

ДУБ

Старый дуб заблудился в разливе ржаном.
Полыхают над ним зоревые знамёна.
Наливается нива.
Пустынно кругом.
Он стоит, словно сторож, в тулупе зелёном.
Тут, наверное, скучно бывает ему
В непогожие дни, в непроглядные ночи,
Но свой пост не уступит старик никому
И судьбою меняться
Ни с кем не захочет.